

В рамках научно-теоретического семинара кафедры философии науки и техники
Института философии СПбГУ
«Актуальные проблемы философии науки»

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАУКИ В ЭКСТЕРНАЛИСТСКОЙ И ИНТЕРНАЛИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

22 ДЕКАРБЯ 2016 Г.

**КРУГЛЫЙ СТОЛ ПРОВОДИТСЯ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА, ПОДДЕРЖАННОГО РГНФ
«ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ФИЛОСОФСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ»
(проект № 15-03-00572)**

**ОСНОВНЫЕ ДОКЛАДЧИКИ:
ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ ДМИТРИЕВ
ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ КУПРИЯНОВ
ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА ЧЕБОТАРЕВА**

Ведущая: Л.В. Шиповалова

На круглом столе предлагается обсудить проблемы экстерналистского (социально-политического, внешнего) и интерналистского (когнитивного, внутреннего) контекста развития и эффективности научных исследований. Эти два контекста можно рассматривать отдельно, как это делается часто самими учеными, которые, решая проблемы, например, методологической определенности собственных исследований, исключают обращение к общественным контекстам функционирования научного и философского знания. Это делается и управляющими структурами, которые при определении конкретных решений в области научной политики, не обращают внимания на собственные цели и ценности научного сообщества и на содержательный характер научных исследований. Такое отделение может быть как конструктивным (эффективным), так и проблематичным, поскольку порой представляет собой слепоту в отношении позиции Другого и отсутствие учета его интересов. Идею о необходимой взаимосвязи контекстов предлагается обсудить на основании трех докладов основных участников Круглого стола.

ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ¹

В докладе **И.С. Дмитриева** представлен **Сравнительный историко-научный анализ структуры, особенностей функционирования, национального контекста и эффективности деятельности первых научных академий и обществ (Académie Royale des Sciences и Royal Society of London).**²

1.) Члены раннего Royal Society of London в своей деятельности придерживались следующих принципов:

- утверждение считалось истинным, если оно удовлетворяло критерию моральной достоверности;
- моральная достоверность всегда связана с наличием свидетельств нескольких авторитетных, компетентных людей, при этом члены Общества предпочитали опираться не на вторичные свидетельства, а на «own Touch and Sight»;
- свидетели и судьи должны быть лицами незаинтересованными, квалифицированными, принадлежать к разным сферам деятельности;
- членство в Обществе предусматривало не только достаточную компетентность, определяемую уровнем образования, эрудицией и наличием ученых заслуг, но и определенный социальный статус «fellow», в ряды Общества не допускались «энтузиасты», т. е. представители радикальных сект, а также «secretists», «vulgars» и «prejudiced», ибо они не могли реализовать принципы «правильной манеры диспута и правильной экспериментальной работы»;
- деятельность Общества была сосредоточена на предложении и постановке опытов, обсуждении их истинности, характера, основ и полезности, т. е. на собирании и систематизации «фактов» («matters of fact»), под которыми понимались констатации, считавшиеся теоретически ненагруженными;
- для фиксации полученных «matters of fact» была разработана специальная процедура, детально исследованная в историко-научной литературе (П. Диа): сообщение об эксперименте не обязательно должно отвечать на вопрос о том, что “случается” в природе при данных обстоятельствах, оно должно описывать лишь то, что “случилось” в данной ситуации» и математические доказательства были не в почете.

2) Организационные принципы и методологические установки Royal Society открывали большие возможности для проведения научных исследований в широком проблемном спектре. Однако указанные принципы и установки ограничивали тематические и методологические ресурсы, а, следовательно, и научную эффективность Общества, что в первую очередь сказалось на работах физико-математического характера. Кроме того, интеллектуальные тенденции, оказавшие заметное влияние на раннее Royal Society (программа «великого восстановления наук» Ф. Бэкона, а также приоритеты и методология «Нового органа», пансофизм Я. А. Коменского, причудливые интересы и устремления дилетантствующих virtuosi вроде Джона Ивлина, отнюдь не способствовали специализации научной деятельности. Предпринятые в 1664 году попытки разделить членов Общества по специализированным «комитетам» оказались безуспешными, и в «Philosophical Transactions»

¹ © Авторы тезисов Дмитриев И.С., Куприянов В.А., Чеботарева Е.Э.

² Доклад подготовлен в рамках реализации проекта № 15-03-00572, реализуется при поддержке РФНФ

(журнале Королевского общества) классификации статей по дисциплинам не проводилось. Этот, «prolonged amateurism» (Л. Дастон) продержался в Обществе до начала 1830-х годов.

3) Следует различать ограниченную когнитивную эффективность Общества, проявившуюся в реализации, главным образом, его «коллекторских программ» (термин М. А. Розова), и куда большую эффективность исследований И. Ньютона, который, хотя и состоял в рядах Royal Society (и даже был его президентом с 1703 по 1727 год), но не придерживался многих правил, ограничений и предрассудков большинства членов этого идейно и методологически закомплексованного Общества, которое к тому же в первые десятилетия своего существования было собранием дилетантов *par excellence*, людей, зачастую весьма невежественных.

4) Становление английской натурфилософии во второй половине XVII века происходило, во-первых, в форме развития натурфилософского дискурса, нормативная база которого в сильной степени зависела от нормативной базы дискурса теологического, а также политического, а во-вторых, в обстановке поиска идеологически безопасных, умеренных доктрин и методологий (как философских, так и теологических), которые, ни при каких условиях, не могли бы стать источником непримиримой идейной борьбы, расколов, и, в конечном счете, социальных потрясений. В такой ситуации и при таком настрое умеренной части британского социума изучение Природы не могло строиться на фундаменте галилеевой методологии, в рамках которой непосредственное наблюдение природного явления не совпадает с его пониманием, а мир, где бы они совпали (т. е. идеализированный мир преобразованного с позиций теории природного объекта, вырванного из его естественного контекста и насильственно включенного в разнообразные физические ситуации), надлежало построить на месте мысленно разрушенной реальности. Подобная рационалистическая методология в глазах членов Королевского общества не могла вести к достоверным результатам — бесспорным и очевидным для всех. Таким образом, английская натурфилософия, сформировавшаяся в лоне европейской интеллектуальной революции XVI–XVII веков, поначалу, в 1660–1680 годах, не могла, в силу, главным образом, указанных политических и социокультурных причин, развиваться в формах, адекватных глубинной сути этой революции. Вместе с тем для членов Королевского общества, воспринявших бэконский идеал *scientiae* как коллективной экспериментальной деятельности по получению «светоносных» и «плодоносных» знаний, чисто схоластические методы теоретизирования, перемалывавшие слова в слова, также были неприемлемы. В итоге процесс формирования английской натурфилософии носил адаптационно-компромиссный характер. Идеология «early Royal society», опиравшаяся на «singular, historical event experiment», т. е. на репортаж-нарратив об отдельно взятом событии, ставший суррогатом универсального опыта, представляла собой некий средний путь между схоластико-перипатетической и галилеевой методологиями. На этом пути ученые мужи надеялись получить знание, одинаково убедительное для всех, а для всех убедительным могло быть лишь то, что они видели своими глазами, т. е. отдельное «событие эксперимента», и только проделав колоссальное число экспериментов можно было формулировать универсальный закон. Подобный подход к изучению природы имел свои прообразы и даже опору как в теологии (англиканизм), так и в юриспруденции (практика судов общего права);

5) Следует упомянуть об удачно построенной стратегии диалога Общества с властями, которая оказалась действительно эффективной (в документах Общества, особенно в первое десятилетие его существования, часто мелькают слова и рассуждения о «полезных искусствах», о благе и пользе человечества, о мануфактурах и ремесленном опыте, о «Dominion over Nature» и т. п.). Однако со временем даже самые амбициозно-настроенные оптимисты-дилетанты осознали, что между их «плодоносными» прожектками и реальными возможностями мало-мальски эффективно влиять на распространение технических инноваций и ремесленную практику – дистанция огромного размера. В итоге, в 1670–1680-х годах Royal Society походило не столько на источник динамичного утилитаризма, служащий государству, сколько на джентльменский клуб.

6) Во Франции формой самоорганизации науки в начале XVII столетия стали неформальные кружки и любительские общества, появление которых было вызвано ростом интеллектуальных запросов образованных слоев общества, а не монаршим повелением. Небольшим кружкам в Оксфорде и Лондоне во Франции соответствовало множество аналогичных кружков, обществ и «академий». Их участники (священники, монахи, судьи, адвокаты, советники, казначеи, дипломаты и т. д.) не были профессиональными учеными в современном смысле слова, для них научные занятия представляли собой вид интеллектуального досуга («хобби»). О когнитивной эффективности подобных неформальных сообществ (именно как сообществ), не имевших каких-либо исследовательских программ, не издававших никакой печатной продукции, и даже, как правило, не регистрировавших число участников собраний, говорить не приходится: каждый член такой группы представлял полученные результаты только от своего имени. Однако подобные «ассамблеи» играли иную роль: они поддерживали внутриэлитные коммуникации, удовлетворяя потребность в обмене информацией, когда научной периодической печати еще не существовало. Тем самым они служили интеграторами интеллектуальной элиты, формировавшими национальную академическую сеть (поначалу весьма рыхлую и неформальную, но с четко обозначенным центром в Париже), способствовавшими циркуляции людей, идей и образцов для подражания и инициировавшими тем самым процесс культурной унификации в масштабах королевства.

7) Эффективность такой деятельности научных сообществ зависела, в частности, от:

- степени замкнутости группы (членов более замкнутых собраний отличало, как правило, единство или, по крайней мере, близость религиозных, философских и «профессиональных» – научных, литературных, художественных и пр. – взглядов и позиций, однако такие «академии» были, большей частью малочисленны);
- наличия влиятельных патронов при дворе;
- наличия и активности «групп сопротивления»; к примеру, в Париже преодолеть сопротивление таких традиционных групп с устоявшимися интересами, как медицинский факультет Сорбонны или коллегия иезуитов, было намного труднее, нежели в Лондоне, а потому новым научным институтам нужна была сильная поддержка со стороны королевской власти;
- личных качеств членов группы (их таланта, целеустремленности и т. п.).

8) Через всю историю организации французской науки прослеживается тенденция к государственному контролю научных исследований и высшего образования. К концу XVI столетия королевская власть в своем длительном противостоянии Св. Престолу потеснила церковь в университетах, но не устранила ее влияние окончательно. Не прошел мимо внимания властей и бурный рост в начале XVII века неформальных сообществ интеллектуалов во всей стране, усиление их авторитета, а впоследствии (1650–1660-е годы) их интенсивная специализация, ясно обозначившая если не упадок, то заметное ослабление традиции энциклопедического гуманизма.

9) В аристократических кругах существовало сильное предубеждение против точных наук и практических занятий (просвещенных аристократов, понимавших важность как первых, так и вторых было немного), однако, в итоге государственные потребности взяли верх над сомнениями, мнениями и предубеждениями французской аристократии. И Кольбер, и Людовик XIV, создавая Академию наук, принимали во внимание, кроме всего прочего, три обстоятельства: 1) это учреждение должно было сыграть важную роль в технологическом развитии страны; 2) оно должно было способствовать росту престижа королевства и короля (ибо централизация всякой культурной деятельности вокруг персоны монарха имеет, говоря современным языком, имиджевый эффект); и 3) его организация имела также определенное политическое значение – чем больше креативные слои общества вовлечены в творческую работу за государственные деньги, тем лояльнее они будут по отношению к власти.

10) Устав Академии наук (1699) готовился в большой тайне, без участия ученых. Власти исходили из того, что, поскольку Академия должна служить повышению престижа государства и короля, а также работать на пользу королевства, ей нужны не просто эрудиты, знающие обо всем понемногу, но профессионалы, причем уже получившие определенную известность своими трудами и готовые заниматься научными исследованиями за деньги и в режиме full time. В итоге, Академия, активно занимаясь фундаментальными разработками, всячески поощряла изобретательскую деятельность, что позволило ей в XVIII столетии стать авторитетным центром технической экспертизы и практического использования научных открытий.

11) Социальное положение самого кандидата на академическую вакансию во Франции играло при ancien régime незначительную роль, более существенным фактором был академический статус или ранг его патрона. Сам король только подписывал соответствующий документ об утверждении той или иной кандидатуры, опираясь на мнения своих министров. Последние редко пренебрегали выбором академиков и рекомендовали королю утвердить того, кто в списке, полученном из Академии, значился первым. Власть не протаскивала в Академию неучей и бездарностей. Несмотря на многочисленные несовершенства системы академических выборов (интриги, протекционизм и т. д. и т. п.) и другие проблемы Академии, в целом она работала эффективно.

12) В итоге можно говорить о сравнения эффективности Парижской Академии и Королевского общества по ряду показателей. Если оценить количество выдающихся работ и открытий, принадлежащих членам Académie des Sciences de Paris и Royal Society of London, то получается, что в период с 1667 по 1727 год (от первого полного года работы Парижской

Академии до смерти И. Ньютона) научная активность обоих институтов (по числу важных научных результатов) примерно одинакова, но с 1728 года и до закрытия Академии (1793) первенство, бесспорно, принадлежит Парижу. Что касается тематического охвата, то у членов Королевского общества он много шире, чем у членов Парижской академии (дилетант отличается всегда бóльшим кругозором, чем профессионал). Едва ли не главная причина успехов Académie Royale des Sciences состояла в том, что во Франции государственное руководство наукой при всех его минусах, во-первых, максимально соответствовало принципу «помогать (финансово, организационно и т. д.), но не вмешиваться (в сам научный процесс)», а во-вторых, опиралось на профессиональную деятельность талантливых индивидов, а не на широту научной любознательности дилетантов. Устойчивое государственное финансирование позволило Парижской Академии проводить широкий круг исследований, в частности астрономических, чего не было в Королевском Обществе. Иными словами, во Франции была найдена более или менее оптимальная форма между свободой профессиональной научной деятельности и контролем за ней, что и обеспечило ее нарастающую (хотя и со сбоями) эффективность.

ВЫВОД. Как правило, научные общества и академии создавались и функционировали либо по британской (Royal Society of London), либо по французской (Academie Royale des Sciences) модели. В первом случае число членов не фиксировалось, научных заслуг не требовалось (т. е. в состав ассоциации могли входить ученые-любители и люди, далекие от науки, которые, однако, интересовались ее достижениями), иерархия среди членов отсутствовала (по крайней мере формально, по уставу, все были равны), жалования членам не выплачивалось, корпорация существовала на членские взносы и, как бы мы сейчас сказали, на спонсорскую поддержку. По такому принципу были организованы многие научные ассоциации Британии, ее американских колоний и Голландии. Во втором случае общество или академия финансировалась короной, а потому число членов было строго ограничено, им выплачивалось жалование в зависимости от места, которое ученый занимал в формальной иерархии этой корпорации. Так были организованы большинство академий и научных обществ в континентальной Европе.

Несмотря на рост числа научных «социететов» в XVIII в., их значимость и вклад в развитие науки, а, следовательно, и их престиж, был, разумеется, различен. Ядро научных организаций составляла «большая пятерка» – академии наук Парижа, Берлина, Санкт-Петербурга, Стокгольма и Лондонское Королевское общество. Заметим, что только последнее не финансировалось короной (что, кстати, стало одной из причин спада научной активности Royal Society во второй половине XVIII столетия). Государственная поддержка науки (особенно во Франции) способствовала заметному расширению и усложнению как инструментальной базы естествознания, так и тематической структуры естественнонаучных исследований (стали возможны научные путешествия в дальние страны, работы по прецизионному измерению длины дуги меридиана, строительство новых и возрождение старых обсерваторий, музеев, лабораторий и т. д.), что, в свою очередь, сближало научные и технологические исследования (скажем, в таких областях, как картография, усовершенствование порохов, определение долготы, разработка метрической системы и т. д.).

Положение французских ученых, при всех его минусах, по сравнению с положением их зарубежных коллег, например, в Британии, было вполне удовлетворительным. Однако у

этого, пусть даже относительного, благополучия имелась и обратная сторона: научная деятельность при ancien régime реализовывалась как некое маргинальное занятие и вся система организации этой деятельности сильно зависела от политической и экономической ситуации в королевстве. Спасало французскую науку лишь то, что в эпоху Просвещения интеллектуальная элита страны свято верила в Разум, в то, что любое действие должно опираться на Разум, а практика – на теорию. Это обстоятельство в условиях, когда возможности политической карьеры были сильно ограничены, а влияние церкви на умы ослабло, предопределяло позитивное отношение внушительного сегмента общественного мнения к науке.

Как бы ни печалились по поводу своих доходов французские академики, в России их коллеги попали в еще худшую ситуацию: при явно недостаточном финансировании и перебоях с выдачей жалованья, ученые были ограничены в возможностях дополнительного заработка, т. к. бюрократия считала, что сторонняя деятельность будет отвлекать их от научной работы и выполнения других академических обязанностей. К этому надо также добавить и пренебрежительное отношение власти и руководства Академии к ученым. Многие из них уезжали из России не только потому, что им было материально трудно, а потому, что им было противно и унижительно находиться под постоянной мелочной опекой «скудных в науках» бюрократов.

Куприянов В.А. Французский бергсонизм и немецкое неокантианство: две стратегии истории философии (компаративистский анализ)³

1) Одной важнейших особенностей современной философии является широкое распространение историко-философских исследований. Сегодня почти ни одно исследование по философии не обходится без привлечения историко-философской тематики. Эта особенность современного философского дискурса не является чем-то само собой разумеющимся. Можно сказать, что, по сути, процесс «внедрения» историко-философских исследований в фундамент философского познания происходит, прежде всего, в XIX веке на волне общего процесса историоризации культуры вообще и гуманитарных наук в частности. Историоризацию как основной метод исследования можно обнаружить в XIX-XX столетиях почти повсюду: в юриспруденции, религиоведении, литературе и пр. Хорошо эту особенность современной культуры (XIX-XXI вв.) уловил М. Фуко, отметив, история «образует “среду” гуманитарных наук, <...>. Каждой науке о человеке она дает опору, где та устанавливается, закрепляется и держится; она определяет временные и пространственные рамки того места в культуре, где можно оценить значение этих наук»⁴.

В этой связи на рубеже XIX-XX столетий в западноевропейской философии актуализируется проблематика методологии исторических наук. Достаточно в этой связи вспомнить хрестоматийный пример споров В. Дильтея и неокантианцев. В поле этих дискуссий присутствует, тем не менее, не только исторические науки как таковые, но и *история философии*, которая активнейшим образом развивается и институализируется в европейском философском проекте в этот период. Почти параллельно с методологическими спорами о гуманитарных науках (или науках о культуре, как любил писать Г. Риккерт), почти на заднем плане собственно философской работы, в западной философии шла дискуссия о методах и

³ Доклад подготовлен в рамках реализации проекта № 15-03-00572, реализуется при поддержке РФНФ

⁴ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарного знания. СПб.: А-сэд. 1994. С. 389.

принципах истории философии. Причем острота и специфичность этой дискуссии во многом определялась тем, что она шла рука об руку с полемикой по всему спектру философских вопросов, главный из которых касался понимания философии как таковой. Поэтому проблема принципов и методов истории философии оказалась тесно переплетена с проблемой понимания философии и ее ключевых вопросов в сфере онтологии, теории познания, социальной философии и пр. Целью настоящего доклада является рассмотрение двух наиболее симптоматичных для философии начала-середины XX в. стратегий историко-философских исследований: *бергсонизма*, представленного историко-философскими взглядами французского историка и философа Э. Брейе⁵ и *неокантианства*, представленного, прежде всего теорией познания Г. Риккерта, оказавшегося наиболее ярким представителем этого в свое время чрезвычайно влиятельного философского направления.

2) В своей статье «О понятии философии» для журнала «Логос» Г. Риккерт пишет, что единственный предмет философии – это ценности, носящие абсолютный характер. Философия, по его мнению, не занимается познанием мира, поскольку вся сфера фактов оказалась «в ведении» конкретных наук. Философии в таком случае ничего не остается, кроме того, чтобы искать смысл, репрезентируемый в абсолютных ценностях. Но каким методом должна пользоваться философия в своем стремлении к познанию ценностей? Риккерт выделяет два метода: субъективирующий и объективирующий. Однако ни один из них, по его мнению, не соответствует задаче философии, в силу своей направленности на бытие. Тем не менее, как пишет Риккерт, философия нуждается в «объективном» принципе и не должна отрекаться от действительности. Действительное для Риккерта – это культурные блага. Таким образом, философия должна отталкиваться от культурных благ и их значимости. Риккерт пишет об этом следующим образом: «<...> для теории ценностей интерес представляют именно такие ценности, которые возбуждают притязание на значимость, а только в *сфере культуры* можно непосредственно встретиться с действительностью, связанной с такого рода значащими ценностями. Культура есть совокупность благ, и только как таковая она и может быть понята. В культурных благах как бы осела, выкристаллизовалась множественность ценностей. Историческое развитие и есть процесс такой кристаллизации. Философия должна, поэтому начинать с культурных благ, для того чтобы вскрыть выкристаллизовавшееся в них многообразие ценностей. Для этого она должна будет обратиться к той науке, которая изучает культуру, как действительность, объективируя ее и выявляя с помощью индивидуализирующего метода ее богатство и многообразие. Наука эта — история»⁶. Изучение ценностей осуществляется посредством исследования того, какие ценности делают ту или иную вещь культурным благом, для чего философии необходимо подвергать вещи анализу «с точки зрения заложенных в них ценностей». Таким образом, посредством исторического изучения культуры философия сможет найти ценности, и в этом смысле история оказывается основой философии. То же самое касается и истории философии, которая также является фактом культуры, несущим в себе абсолютные ценности. Смысл историко-философских исследований заключается не столько и не только в

⁵ Историко-философская концепция Э. Брейе уже была предметом рассмотрения в отечественной историко-философской литературе. См.: *Блауберг И.И.* Э.Брейе и М.Геру: два подхода к истории философии // *История философии*. Вып. 13. М.: ИФ РАН, 2008. С. 69-89; *Гагонин А.С.* Эмиль Брейе: философия как способ жить // *Брейе Э.* Философия Плотина. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 5-78.

⁶ *Риккерт Г.* О понятии философии // *Риккерт Г.* Науки о культуре и науки о природе. М.: Республика, 1998. С. 27-28.

историографическом изучении философии, сколько в попытке увидеть за многообразием исторических фактов *абсолютные ценности*. В этом отношении ценность самой истории философии определяется ее способностью обнаруживать *непреходящее*, значащее само по себе независимо от тех или иных конкретных обстоятельств. Историографическое содержание истории философии в таком случае может рассматриваться лишь как повод для самостоятельного философского поиска и как не более чем внешний контекст философии, которым не следует пренебрегать, но роль которого не следует и преувеличивать.

3) Эмиль Брейе (1876-1952), французский историк философии, последователь А. Бергсона, отличался от представителей неокантианской школы, которые были для него почти современниками, не только своей «общефилософской ориентацией» на философию длительности Бергсона, но и общим строем своей философской биографии. Для Брейе история философии не была только лишь предметом отстраненных теоретических изысканий. Брейе сам непосредственно занимался изучением истории философии, оставив после себя огромное количество работ, посвященных как отдельным историческим эпохам и философам, так и в целом всей истории философии⁷. Его философско-методологические взгляды изложены, главным образом, в нескольких работах. Прежде всего, это работа «Философия и ее прошлое» (1 изд.: 1940 г.) и статья «Как я понимаю историю философии», которая была опубликована в 1947 г. Суть позиции Брейе заключается в отрицании двух противоположностей: с одной стороны, это стремление строить законченные философские системы, которые растворяют в себе все многообразие исторических форм философии – та позиция представлена историей философии Г. Гегеля, а с другой, это чрезмерная историоризация философии, превращающая ее в раздел исторических наук. Оба подхода неприемлемы для Брейе. Его решение проблемы методов истории философии, которое бы избегало вышеотмеченной дилеммы, строится на различии внутреннего и внешнего времени истории философии. Каждая философская концепция имеет свою историческую определенность и возможна лишь в то время, в какое она появилась на свет, поэтому изучение истории философии непременно предполагает внимание к историческим обстоятельствам, сопровождающим деятельность того или иного философа. Но необходимо понимать, что это лишь внешняя сторона философии, касающаяся внешнего времени. Различие этих двух типов времени конституирует различие историка философии и «чистого историка». С точки зрения первого, каждая философская концепция представляет собой «духовный сгусток», своего рода внутреннее напряжение. Как пишет Брейе, философская концепция – это «сгущение, в гениальном уме, огромной длительности, которая, восходя к прошлому, разветвляется и разбавляется почти до бесконечности, но в творчестве собирается и объединяется, чтобы спроецироваться наконец в богатом многообразии своих произведений»⁸. В таком случае изучение истории философии превращается из архивного занятия в вечный поиск вневременного (в смысле внутреннего времени): в своем прошлом философия ищет вечное настоящее. Таким образом, философия философии концентрируется на поиске и экспликации абсолютного содержания, выходящего за пределы временной определенности философии, выражающейся в многообразии исторических, литературных и социальных обстоятельств ее бытия.

⁷ См. библиографию Э. Брейе в кн.: *Брейе Э. Философия Плотина*. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 390-397.

⁸ *Brehier E. La philosophie et son passé*. P., 1950 (2 éd.). P. 40. (Цит. по: *Блауберг И.И.* Э.Брейе и М.Геру: два подхода к истории философии // *История философии*. Вып. 13. М.: ИФ РАН, 2008. С. 72.).

4) Сравнение двух столь разных походов к историко-философским исследованиям позволяет сделать вывод о том, что подлинный смысл истории философии как философской дисциплины, возможно, заключается в поиске некоторого общезначимого смысла, содержавшегося в философских концепциях разных эпох. Суть истории философии заключается, в таком случае, в том, чтобы видеть в преходящем и временном то, что важно само по себе; причем, то, что важно для понимания смысла бытия и познания. Только в таком случае история философии выходит за пределы исключительно исторических занятий и становится подлинно философским занятием. При этом очевидно, что понимание самого абсолютного, поиск которого составляет суть истории философии, зависит от собственно понимания философии. Поэтому, в конечном счете, историко-философская позиция всегда зависит от «общефилософской позиции»: то, как мы понимаем философию, зависит и то, как мы видим саму философию. В этом смысле теоретическая разработка философии всегда идет рядом с познанием ее истории.

В докладе «Понятие эффективности научных исследований в контексте современной научной политики» Чеботарева Е.Э⁹ проанализировала роль политических и экономических интересов в качестве оснований оценки гуманитарных исследований.

1) С одной стороны, от общественных и гуманитарных наук, так же как и от естественных и технических, стали ожидать прикладных высокоэффективных с экономической точки зрения решений и результатов. Для наглядности этого тезиса можно привести в пример крупнейшую европейскую программу научных исследований и инноваций Horizon 2020 Responsible Research and Innovation, где гуманитарным дисциплинам предлагается решать социальные проблемы общественного здоровья, экологического транспорта и логистики, изменений климата, развития индустриальных технологий, сервисов и дизайна.

2) С другой стороны, существенной стороной реализации научной политики оказывается то, что собственно гуманитарная проблематика, не связанная с решением насущных экономических и технологических задач, подвергается оптимизации, то есть редукции, например, происходит сокращение гуманитарных университетских курсов и/или времени на них. Подтверждением этого тезиса является содержание публикации в журнале «East European Politics & Societies», автор которой, Клэр Каванаг, профессор американского университета, показывает маргинализацию исследований тех культур, которые на данный момент не принадлежат государствам-лидерам на политической арене.

3) Данная ситуация является отражением конфигурации научно-технической политики, называемой «neoliberal marketplace of ideas» (в отношении осуществления этой политики можно привести ряд актуальных публикаций). Эта конфигурация складывается в рамках современного неолиберализма, приходя на смену научной политике кейнсианского этатизма. Основные характеристики политики «неолиберального рынка идей» обнаруживаются в процессах, которые можно назвать деполитизацией политики и политизацией науки. Так, деполитизация научной политики может быть связана с ее

---

⁹ Доклад подготовлен в рамках реализации проекта 15-03-00572, реализуется при поддержке РФНФ

переориентацией на конструирование системы рынков восприятия результатов научных исследований, в контексте убеждения в абсолютных преимуществах рынка как наиболее осведомленного и гибкого субъекта принятия решений, что выражается в лишении власти технократических элит и маргинализации публичных дискуссий. Что касается науки, то ее функции сводятся к ответу на соответствующие задачи экономического роста, также на конкретную работу над технологиями и инновациями.

4) В такой ситуации ученые не могут больше формулировать ни собственные цели, ни критерии значимости их труда, которые они исторически привыкли связывать с рационально-эмпирическими аргументами, а также с ценностями (как это пытается делать К. Каванаг). В то же время в политической ситуации неолиберального рынка идей происходит усиление конкуренции национальных экономик, и наука, политизируясь, активно включается в конкурентную гонку. Таким образом, мы видим, что основания для критериев эффективности работы ученого оказываются очень гибко связанными с политической конъюнктурой.